

Ф. А. Лукьянов

На грани нервного срыва

Почему Америка трясет мир, а мир трясет от Америки

В более спокойные времена вторая половина лета отводилась под некое подобие мировых политических каникул. От форс-мажоров, конечно, никто не был гарантирован, но интенсивность событий снижалась. Сейчас лето от зимы по насыщенности не отличается, соответственно, затруднительно говорить о начале нового политического сезона — старый не завершился. И все же осень знаменует хотя бы формальную вежу. И можно посмотреть на диспозицию в преддверии очередного цикла, пусть и условного. С чем в него входят ведущие актеры международных подмостков?

Экзальтированная Америка

Политическое сообщество Соединенных Штатов пребывает в ажитации, кульминация которой ожидается к ноябрю — в США пройдут промежуточные выборы в Конгресс. В условиях острой политической борьбы это голосование превращается чуть ли не в решающую дуэль. От того, какая партия возьмет верх, зависит, будет ли предпринята попытка запустить процедуру импичмента. Если демократы отвоюют хотя бы одну палату (две практически исключено), решающая атака на Дональда Трампа почти гарантирована. Тем более что его обложили со всех сторон, и охота продолжается — в какой-то момент, наверное, до конца года, на авансцену выйдет Роберт Мюллер с результатами своего расследования о сговоре с русскими.

Межпартийная схватка в Америке, мощным катализатором которой служит личность президента, осталась бы фактом внутренней жизни страны, если бы не два обстоятельства. Во-первых, по-прежнему уникальная роль Соединенных Штатов, единственной сверхдержавы, в мире от них зависит так много, что любые телодвижения или конвульсии отзываются на всех. Во-вторых, присущий сейчас многим крупным государствам феномен, когда внешняя политика становится даже не производной от внутренних процессов, а их инструментом. Россия ощущает это в полной мере, став лейтмотивом всего внутреннего американского сюжета. Но и другие страны становятся заложницами сложного процесса общественно-политической трансформации США, которая влечет за собой изменение системы приоритетов.

Такие трансформации Америка переживает регулярно. Как отмечают исследователи, «срок годности» одной партийно-политической конфигурации составляет там приблизительно три десятилетия, затем происходит серьезное смещение баланса. Отличие от прежних переломных эпох именно в том, что тогда Соединенные Штаты не занимали настолько центрального места в международной системе, а взаимозависимость разного рода не носила такого глобального характера. Теперь же все фактически обречены на то, чтобы быть невольными участниками мучительного обновления США.

Деваться от этого в нынешней ситуации некуда. Исторически эти самые переломные отрезки американской истории, как правило, сопровождались ростом внешнеполитической напористости (можно проследить примеры от Теодора Рузвельта до Рональда Рейгана). Сейчас же, когда степень стратегической ответственности понижена повсеместно, а внутренние вызовы остры как никогда, можно ждать почти чего угодно. Особенно с учетом того, как резко администрация Трампа опустила порог противостояния почти со всеми.

Настороженный Китай

Китай не без воздействия со стороны трамповских Соединенных Штатов подошел к выбору — вступить в полноценное состязание за мировое первенство или попробовать снова сманеврировать, чтобы еще раз отложить его на потом. Соединенные Штаты (и это отнюдь не причуда Трампа, а почти консенсус), похоже, уже пришли к заключению, что их шансы на успех тем выше, чем раньше удастся вытянуть КНР на ристалище. Пекин к нему фактически уже готовится (концентрация власти — одно из свидетельств), но, когда вступить в игру, пока для себя не определил. В итоге — при наличии очень активного визави в Вашингтоне — Китай пока что с неудовольствием обнаруживает себя в ситуации ведомого, втягиваемого в конфронтацию не по его правилам. А вот готовность навязывать свои правила по-прежнему ограничена.

Что это означает для внешнеполитического поведения КНР в предстоящий период? Вероятнее всего — повышенную осторожность, опасения стать участником чьей-то стратегии в ущерб собственной свободе действий. Для России это существенно с точки зрения намерений (возможностей) привлечь Китай для совместного противодействия США. А такое противодействие может понадобиться по мере неизбежного нарастания давления на Москву.

Растерянная Европа

Европейский союз вступает в период максимальной неопределенности и, скорее всего, неуверенности в себе. Главный процесс, который начался и будет усугубляться, — изменение политического и идейного ландшафта Европы. Традиционные конфигурации, на которых строился партийно-управленческий баланс, не рушатся, но оплывают, как воск на свече. Миграционный вопрос оказался пламенем, под воздействием которого начали деформироваться волокна, составлявшие «тело» европейской политики. И вот уже не левые и правые, либералы и консерваторы соперничают друг с другом, а споры об открытости и закрытости, гостеприимстве и самобытности пронизывают все партийные структуры Европы, страсти кипят внутри каждой из них.

К этому стоит добавить беспрецедентный разброд в западном сообществе, который крайне депрессивно действует на Европу. Жесткое давление США, дабы принудить европейцев к изменению правил взаимной игры в пользу Вашингтона, вызывает у многих европейцев отторжение, но в то же время и чувство фрустрации — Европа не решается, да и не может ничего противопоставить. Степень готовности (или неготовности) Европы, прежде всего ее опорной страны — Германии, отстаивать свои интересы пройдет проверку в ближайшие месяцы. Судьба газопровода «Северный поток – 2» станет важнейшим индикатором реальной способности Старого Света всерьез пойти наперекор Новому, а также позволит понять, стоит ли России вообще рассчитывать хоть на что-то в отношениях с Западом.

Уставшая Россия

В таком маниакально-депрессивном контексте Россия сталкивается с неприятным парадоксом. Растет разрыв между настроением и действиями российского руководства, с одной стороны, и их восприятием внешними (прежде всего западными) игроками. С американской подачи на Западе бушует волна эмоций (от страха до гнева и возмущения) в связи с Россией/Путиным, которые, как прозвучало недавно на слушаниях в Сенате США, делают мир более опасным местом. Дерзость, авантюризм, коварство, неразборчивость в средствах, пренебрежение общепринятыми нормами — все эти качества прочно приписываются Москве в западной дискуссии, что определяет не столько стратегические установки Запада (с ними везде плохо), сколько договороспособность.

При этом, если, отвлекаясь от риторики и пропагандистских упражнений, посмотреть на действительную российскую политику последних полутора лет, удивит контраст с нарисованным образом. Проводится осторожная, консервативная по целям линия, в основе которой — стремление найти точки соприкосновения и ни в коем случае не провоцировать дальнейшую эскалацию. Особенно это видно на американском направлении. Чем больше и разнuzданнее давление (а соревнование Белого дома и Капитолия порождает эффект самозакручивающейся спирали), тем, кажется, все более смиренное стремление все-таки обнаружить способ взаимодействия возникает в ответ.

Понять эту противофазу можно. Россия прошла через примерно десятилетний этап самоутверждения.

Когда рассеялись надежды на полюбовное согласие о «правилах игры» с Западом, был взят курс на «принуждение к договоренностям»: остановить западную политическую экспансию и прочертить «красные линии».

В целом это удалось сделать, хотя и достаточно дорогой ценой и с большим морально-психологическим напряжением. Проще говоря, ко второй половине 2010-х годов Россия добилась максимума возможного в деле восстановления своих международных позиций, рухнувших после распада СССР. Украина и Сирия, как ни относиться к этим двум кризисам, зафиксировали новое качество российского позиционирования в мире. Дальнейшее повышение ставок уперлось прежде всего во внутренние экономические ограничители. Да и вообще — после спурта 10-х годов потребовалась передышка.

Однако внешние собеседники примириться с новым статусом России и, соответственно, снижением своего влияния не готовы. Тем более что их внешние осложнения оказались тесно связаны с нарастающими внутренними трудностями. И Россия в качестве — помимо всего прочего — козла отпущения за собственные проблемы и стороннего пугала весьма полезна. Международная борьба только обостряется, искать компромисс никто не собирается.

Между тем российский государственный аппарат не производит впечатления машины, которая сейчас настроена на новый раунд решительного противостояния. И дело не во внешнеполитических установках, а прежде всего в способности быстро и адекватно реагировать на внутренние вызовы. Которые, естественно, усугубляются внешним давлением. В основе успехов российской политики предшествующего периода лежало довольно хитроумно устроенное «частно-государственное партнерство», работа на полутонах и способности мобилизовывать ресурсы на решение текущих задач. И, в принципе, это вполне рациональная тактика для мира, в котором рассыпаются все привычные формы, нормы и модели. Но она требует высокой гибкости и непрерывного ручного управления. Руки, даже самые умелые, устают, а попытка включить даже на короткое время автопилот немедленно выявляет проблемы с работой всех систем.

Решать эти проблемы придется в наименее благоприятных внешних условиях. Давление оппонентов будет нарастать, а на содействие партнеров рассчитывать можно лишь ограниченно, мир сейчас даже больше, чем обычно, начинает жить по правилу «своя рубашка ближе к телу». Сложившейся в России системе предстоит настоящая проверка на прочность.